

ДОН НИГРО

ВЕНСКАЯ

КРОВЬ

Дон Нигро Венская кровь

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48800862*

Венская кровь:

Аннотация

Дон Нигро «Венская кровь/Vienna Blood/2019». Девять актеров (4 женских и пять мужских ролей). Продолжение двух пьес: «Темных сонетов леди» и «Рейвенскрофта». Инспектор Раффинг и Марси в Вене. Инспектор распутывает покушение на мать Марси, а заодно открываются многие подробности венской жизни Марси. Захватывающая драма.

Содержание

Действующие лица	4
Декорация	5
Картины	6
Действие первое	8
1. (Город снов)	8
2. (Утопленница)	12
3. («Жизнь художника»)	16
4. («Сказки Венского леса»)	26
5. (Партия в шахматы)	29
6. («Розы с юга»)	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дон Нигро

Венская кровь

Действующие лица

ВИТГЕНШТЕЙН/ИМПЕРАТОР ФРАНЦ-ИОСИФ/СКЕ-
ЛЕТ

РАФФИНГ

МАРСИ

МАКС/ФРЕЙД

ГРИНДЛЬ

ШИЛЕ/ХУДОЖНИК/СКЕЛЕТ

ЭЛЬЗА

ГЕРР КЛИППШТЕЙН/СКЕЛЕТ

ФРАУ КЛИППШТЕЙН/СКЕЛЕТ

Декорация

Одна декорация представляет собой различные места в Вене 1913 г. Дом МАКСА, его огороженный стеной сад, студию ШИЛЕ, все прочее. Мольберт, несколько деревянных скамей, столов на разных уровнях, ступени, много тикающих часов. Персонажи, которые не заняты в каких-то картинах, могут оставаться видимыми для нас из других точек времени и пространства, если о них упоминают, думают или они каким-то иным способом связаны с текущим моментом. Большая часть актеров едва ли не все время остаются на заднем плане, наблюдают, занимаются своими делами, иногда картины из разных мест и времен накладываются. Картины переходят одна в другую без пауз и изменений декораций. Плавное движение спектакля – обязательное условие. Движение это – всегда составная часть спектакля.

Музыка – вальс «Венская кровь/Wiener Blut» Иоганна Штрауса, но время от времени звучат отрывки других вальсов: «На прекрасном голубом Дунае», «Розы с юга», «Императорский вальс», «Сказки Венского леса», «Жизнь художника» Штрауса, а также «Дунайские волны» Ивановича, «Вальс веселой вдовы» Легара и «Вальс Долорес» Вальдтейфеля.

Картины

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

1. Город снов
2. Утопленница
3. «Жизнь художника»
4. «Сказки Венского леса»
5. Партия в шахматы
6. «Розы с юга»
7. Человек в зеркале
8. Маленькая толика хаоса
9. Восхитительное состояние разложения
10. Дьявол
11. Призраки – это воспоминания
12. Послание от императора Франца-Иосифа

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

13. Бегемот в багажном вагоне
14. «Толкование сновидений»
15. Мастерская, полная тикающих часов
16. Ничейный ребенок

17. Притворимся, что мы люди
18. Прекрасная возможность
19. На озере
20. Под дождем
21. «На прекрасном голубом Дунае»
22. Свихнувшаяся карусель
23. Отбывающий поезд

Действие первое

1. (Город снов)

(Мы слышим «Венскую кровь», тихую, мрачноватую ярмарочную версию, которая заглушается шумом движущегося поезда, когда свет падает на РАФФИНГА и ВИТГЕНШТЕЙНА: поздним вечером они едут в вагоне «Восточного экспресса»).

ВИТГЕНШТЕЙН. Вы англичанин. Я слышал, как вы говорили с проводником. Предложил бы помощь, но попытки общения людей, проживающих в разных странах... Они меня просто завораживают.

РАФФИНГ. Общение практически отсутствовало. Когда англичанин говорит на немецком, результат удручающий.

ВИТГЕНШТЕЙН. И когда австрийцы говорят на английском.

РАФФИНГ. Нет, у вас прекрасное произношение. Гораздо более аристократичное, чем у меня.

ВИТГЕНШТЕЙН. Я родился в Вене, но изучал философию в Кембридже.

РАФФИНГ. Производит впечатление.

ВИТГЕНШТЕЙН. На меня – нет. По большей части, если

на то пошло, это чушь, но что нет? Опасность устремления объяснить все в том, что в итоге не объясняется ничего. Мое мнение следующее: если мы не можем говорить о чем-либо с некоей степенью определенности, лучше замолчать. К сожалению, под это попадает все, что действительно имеет значение для людей. Работы любого философа можно разделить на две части: то, о чем он написал, и то, о чем умолчал. Первая часть не значит ровным счетом ничего. Значение имеет, о чем он умолчал.

РАФФИНГ. Но если он об этом умолчал, откуда мы знаем, что это имеет значение?

ВИТГЕНШТЕЙН. Мы знаем, что это имеет значение, именно потому, что он об этом умолчал. Даже Бог понимает, что лучший способ объяснить что-либо – сохранять молчание. Поэтому нет у него привычки раскрываться. Он принял решение оставаться вне проблемы. Бег – не внутри, выглядывая наружу. Бог – вне, заглядывая внутрь. И единственный честный способ говорить о нем – молчать в тряпочку.

РАФФИНГ. Но сейчас вы говорите о нем.

ВИТГЕНШТЕЙН. Да, и я несу чушь. Я пишу книгу, которая объяснит, что нельзя сказать. Ни у одного персонажа пьесы нет права делать какое-то далеко идущие выводы, потому что он существует только в пределах пьесы. А то, что имеет смысл для всего мира, должно находиться за его пределами. Я уверен, этим обусловлено полное безразличие Бога к тому, умрет ли ребенок или нет. Погибнет ли воробей

или целые империи. Особой разницы на самом деле нет. Для него это всего лишь пьеса.

РАФФИНГ. Что ж, удачи вам с этой книгой.

ВИТГЕНШТЕЙН. Благодарю.

РАФФИНГ. Так вы едете домой в отпуск?

ВИТГЕНШТЕЙН. Я еду домой, потому что умирает мой отец.

РАФФИНГ. Ох, сожалею.

ВИТГЕНШТЕЙН. Что удивительно, я тоже. Это означает, что стану фантастически богат. И это трагедия. Я бы не возражал, да только с деньгами люди становятся такими глупыми. Я, вероятно, раздам их, а потом покончу с собой. Это в традициях нашей семьи. Вена – и ваш конечный пункт?

РАФФИНГ. Да. Там живет семья моей жены.

ВИТГЕНШТЕЙН. То есть вы там уже бывали.

РАФФИНГ. Нет. Еду первый раз.

ВИТГЕНШТЕЙН. Вена поначалу очарует вас. Но не давайте себя обмануть. Город снов также и Город кошмаров. Вена – прекрасная, умирающая проститутка с толстым слоем косметики, едва скрывающей прогнившее нутро.

РАФФИНГ. Получается, вы не любите город, в котором родились?

ВИТГЕНШТЕЙН. На самом деле люблю. Это так грустно, любить то, что на грани смерти. В Вене можно заполучить беду на любой вкус. Как мне представляется, жена – один из вариантов. Сам я не женился. И едва ли женюсь. Думаю, нет

у меня к этому склонности.

РАФФИНГ. Ни у кого нет. Женитьба – пазл с несколькими недостающими элементами. Обе стороны большую часть времени пытаются найти друг дружку в темноте.

ВИТГЕНШТЕЙН. То есть в Вену вы едете к жене?

РАФФИНГ. Я на это надеюсь. *(Пауза)*. Я бы объяснил, но это имеет значение, поэтому я умолкаю.

ВИТГЕНШТЕЙН. Великолепно. *(Звук паровозного свистка)*. Посмотрите, мы въезжаем в тоннель. Лучший способ видеть – оказаться в темноте. *(Паровозный свисток. Полное затемнение)*.

2. (Утопленница)

(Поют птицы. Утро в Вене, 1913 г. МАРСИ ждет у ворот дома. Появляется МАКС, худой мужчина лет шестидесяти, он возвращается домой. Увидев МАРСИ, застывает, как вкопанный).

МАРСИ. Привет, папа.

МАКС. Что ты здесь делаешь?

МАРСИ. Дора написала мне о маме. Почему ты мне ничего не сказал?

МАКС. Полагал, что тебя это ни в коей мере не касается. Ты можешь возвращаться, откуда приехала. Здесь тебе места больше нет.

МАРСИ. Мое право быть здесь ничем не отличается от твоего. Это мой дом.

МАКС. Он давно перестал быть твоим домом.

МАРСИ. Как она? У нее все в порядке?

МАКС. Пожалуйста, отойди, чтобы я мог войти в дом.

МАРСИ. Папа, я приехала из Лондона, чтобы повидаться с вами.

МАКС. Не моя вина. Тебя никто не приглашал.

МАРСИ. Почему ты по-прежнему злишься на меня? Теперь я замужем. У меня муж, который любит меня, приемная дочь, которая мне, как сестра, и своя дочь.

МАКС. И ты бросила их всех, чтобы приехать сюда, где ты никому не нужна. Почему бы тебе просто не уехать и не оставить нас в покое? Ты приехала, чтобы вскрыть старые раны и вновь мучить нас?

МАРСИ. Я должна повидаться с мамой?

МАКС. Я не хочу, чтобы ты тревожила свою мать. Ты только еще больше расстроишь ее. А может, ты к этому и стремишься?

МАРСИ. Я имею право повидаться с ней. Я – твоя дочь. Давным-давно я допустила ошибку и заплатила за нее. У меня красавица-дочь, которая скоро станет взрослой. Неужели ты ничего не хочешь узнать о своей внучке?

МАКС. Меня не интересует твой ребенок, рожденный вне брака. А теперь уйди, до того, как соседи увидят тебя.

МАРСИ. Как ты можешь быть таким жестоким? Раньше ты таким не был.

МАКС. Жестоким как раз не я. Это ты оставила нас.

МАРСИ. Я никого не оставляла. Это вы оставили меня.

МАКС. Ты навсегда порвала отношения с нами в тот самый момент, когда ушла в тот дом и вновь позволила тому мужчине коснуться себя.

МАРСИ. Папа, я тогда была совсем ребенком.

МАКС. Ты была достаточно взрослой, чтобы понимать, чего он хотел, и мы умоляли тебя вернуться домой, но ты предпочла остаться в том доме, позволила тому мужчине надругаться над тобой и продолжала позволять, пока не вы-

яснилось, что ты беременна его незаконнорожденным ребенком. Я не желаю поддерживать какие-либо отношения с человеком, который сознательно разрешает использовать себя подобным образом. И лишь надеюсь, что тебе достанет приличия не расстраивать свою мать. Мы оба знаем, какая ты.

МАРСИ. Я – замужняя женщина. У меня семья и добропорядочная жизнь.

МАКС. И что сказал бы твой муж, если б узнал, на какой шлюхе женился?

МАРСИ. О том, что со мной произошло, мой муж знает все.

МАКС. И он все равно хочет тебя? Да в нем дурасти еще больше, чем в тебе.

МАРСИ. Он не дурак. Понимает меня. И любит.

МАКС. Тогда где он? Выбросил тебя из дома? Поэтому ты приползла к нам?

МАРСИ. Я приехала, потому что моя мать пыталась утопиться, и мне нужно повидаться с ней?

МАКС. Я не собираюсь стоять здесь и спорить с тобой. Нет тебе места в моем доме. Нет тебе места в моей жизни. У меня нет дочери и я чуть не потерял жену. Сейчас у нее в голове хаос. Меньше всего ей нужно, чтобы ты предстала перед ней и напомнила о прежних переживаниях. Ради Бога, хотя раз в жизни поступи достойно и оставь нас в покое.

(МАКС уходит из дом и захлопывает за собой дверь. МАРСИ стоит, глядя на дверь, падающий на нее свет медленно

гаснет).

3. («Жизнь художника»)

(Свет падает на ГРИНДЛЬ, хрупкого сложения девушку лет шестнадцати, которая в одном белье сидит в студии Шиле, листает журнал. МАРСИ через сцену смотрит на ГРИНДЛЬ, колеблется, потом обращается к ней).

МАРСИ. Гриндль?

ГРИНДЛЬ. Гриндль здесь нет. Она мертва. Сначала умерла ее душа. Тело умерло позже. Теперь она призрак. Обитает в борделе.

МАРСИ. Это ведь ты?

ГРИНДЛЬ. Не знаю. Может, я. Хотя по ощущениям – нет. Но Вена – зеркальный дом. Здесь мы превращаемся в нарисованные произведения искусства. Ты не собираешься раздеться? Он сказал, что сегодня будут две женщины.

МАРСИ. Ты не знаешь, кто я?

ГРИНДЛЬ. Мне без разницы, кто ты, но если ты хочешь позировать для Шиле, тебе придется снять одежду, во всяком случае, большую часть. Вероятно, чулки сможешь оставить. Иногда ему так больше нравится. Но ноги придется раздвинуть. Он обожает рисовать пещеру Сивиллы.

МАРСИ. Гриндль, я – Марси.

ГРИНДЛЬ. Какая Марси?

МАРСИ. Твоя гувернантка, когда ты была ребенком. Ты

меня не помнишь? Я так изменилась?

ГРИНДЛЬ. Нет. На самом деле ты осталась прежней. Конечно, я тебя помню. Ты убила моего брата.

МАРСИ. Я не убивала твоего брата.

ГРИНДЛЬ. Ты оставила нас вдвоем у воды.

МАРСИ. Твой брат умер после того, как твои родители... После того, как я перестала быть вашей гувернанткой. Это произошло после того, как я ушла.

ГРИНДЛЬ. Не ври мне. Я помню. Ты была на похоронах.

МАРСИ. Да. Я специально приехала на похороны. Тогда видела тебя в последний раз.

ГРИНДЛЬ. Так чего ты от меня хочешь? Как ты меня нашла?

МАРСИ. Дора сказала мне, что я могу найти тебя здесь. Ты помнишь Дору, так?

ГРИНДЛЬ. Да. Чокнутая.

МАРСИ. Зачем ты так говоришь? Дора всегда хорошо к тебе относилась.

ГРИНДЛЬ. Когда не прелюбодействовала с моим отцом. Совсем, как ты. Вы это делали по очереди, так?

МАРСИ. Мы всегда были хорошими друзьями. Почему сейчас ты говоришь мне такие гадости?

ГРИНДЛЬ. Я выросла. Теперь могу говорить гадости, если хочу.

МАРСИ. До такой степени ты еще не выросла.

ГРИНДЛЬ. Я сама себе хозяйка. Зарабатываю на жизнь.

И это все, что имеет значение.

МАРСИ. Ты действительно зарабатываешь на жизнь позированием?

ГРИНДЛЬ. В Вене у красивой девушки есть много способов заработать на жизнь.

МАРСИ. Гриндль, ты слишком молода для этого.

ГРИНДЛЬ. В Вене никто и ни для чего не бывает слишком молодым.

МАРСИ. Ты слишком молода, чтобы не жить дома и позировать в нижнем белье.

ГРИНДЛЬ. Я не всегда позирую в нижнем белье. Иногда я позирую обнаженной. Сегодня ему хочется смотреть на меня в нижнем белье. Но только до того, как подойдет вторая натурщица. Он вздорный извращенец, как и все мужчины.

МАРСИ. Твои родители, должно быть, очень тревожатся о тебе.

ГРИНДЛЬ. Мои родители – два самых глупых человека на этой земле. Какая мне разница, что они думают? Да и потом, они отказались от меня. Шиле относится ко мне по-доброму. Он немного странный, но, по большей части, я вижу от него только хорошее. И он уже достаточно знаменит. Ты о нем слышала?

ШИЛЕ (*входит, небольшого роста, насупленный молодой мужчина 23 лет*). Что бы вы ни слышали обо мне, это абсолютная правда. Я – ужасный, ужасный человек. (*Пристально смотрит на МАРСИ*). Вы – не та натурщица, за которой

я посылал. Вы гораздо интереснее.

МАРСИ. Я не натурщица. Я – подруга Гриндль.

ГРИНДЛЬ. Она не моя подруга. Она – моя няня.

ШИЛЕ. У тебя есть няня?

ГРИНДЛЬ. Она была моей няней, пока не утопила моего брата. Я не знаю, кто она сейчас.

ШИЛЕ. Не выглядит она такой старой, чтобы быть твоей няней. (*Обращаясь к МАРСИ*). Сколько вам лет?

МАРСИ. Вы всегда спрашиваете у женщины, сколько ей лет?

ШИЛЕ. А как мне узнать, если не спросить?

МАРСИ. Мне тридцать три. И я гувернантка.

ШИЛЕ. Вы выглядите как мудрый и меланхоличный ребенок.

МАРСИ. У меня самой есть ребенок, ты знаешь, Гриндль. Она уже подросток. Надеюсь, вы встретитесь.

ШИЛЕ. Я бы очень хотел нарисовать вас и вашего ребенка.

МАРСИ. Моя дочь в Лондоне, с моим мужем.

ШИЛЕ. И вы оставили их, чтобы приехать в Вену и повидаться с Гриндль? Вы очень преданная няня.

МАРСИ. Я приехала по семейным делам.

ГРИНДЛЬ. Кто-то умер? Марси нравится оставлять близких ей людей и возвращаться сюда на похороны. Она приезжала и на похороны моего брата, после того, как убила его.

ШИЛЕ. Еще и убийца. Как интересно.

МАРСИ. Я не убивала ее брата.

ШИЛЕ. Я не знал, что у нее был брат.

ГРИНДЛЬ. Он утонул в озере рядом с нашим домом. Она его утопила.

МАРСИ. Я никого не топила. Не понимаю, Гриндль, как ты можешь говорить такое, зная, что это заведомая ложь? Ты думаешь, это здраво, быть такой жестокой? Ты думаешь, это и значит быть взрослой? Причинять людям боль без всякой на то причины?

ГРИНДЛЬ. Я думаю, так оно и есть. Только дети ведут себя также. Люди, по большей части, всего лишь хищные обезьяны.

ШИЛЕ. Вы не должны позволять Гриндль расстраивать вас. На самом деле, она очень милая девочка, если думает, что никто ее не видит.

ГРИНДЛЬ. Чушь собачья.

ШИЛЕ. Гриндль, перестань выпендриваться. Твой пресыщенный подростковый цинизм впечатления не производит. А теперь снимай белье.

МАРСИ. Гриндль, ни в коем случае!

ШИЛЕ. Ага, голос няни.

ГРИНДЛЬ (*обращаясь к МАРСИ*). Ты мне больше не указ.

МАРСИ. А он может тебе указывать?

ГРИНДЛЬ. Он – может, если я того хочу.

МАРСИ. Гриндль, если я заявлю в полицию, его аресту-

ют.

ГРИНДЛЬ. Какая глупость. Это Вена. Никому до этого дела нет.

МАРСИ. Мне есть.

ГРИНДЛЬ. Ты можешь катиться в ад. Не нужна ты мне, чтобы оберегать меня.

МАРСИ. Кто-то тебе нужен. А теперь одевайся. Я увожу тебя из этого места.

ГРИНДЛЬ. Никуда я с тобой не пойду.

ШИЛЕ. Ваша забота об этом бедном, порочном ребенке вызывает восхищение, но заверяю вас, вы ничего не сможете для нее сделать.

МАРСИ. Надеюсь, вы не попытаетесь убедить меня в благородности своих намерений.

ШИЛЕ. Разумеется, нет. Мои намерения более-менее именно такие, как вы их себе и представляете. Но в данный момент Гриндль всего лишь моя натурщица.

МАРСИ. Если вам нужна натурщица, найдите кого-нибудь постарше – не ребенка.

ШИЛЕ. Как насчет вас?

МАРСИ. Нет, благодарю.

ШИЛЕ. Выслушайте мое предложение, прежде чем отказываться. Вы можете забрать Гриндль, если пообещаете прийти завтра, чтобы я смог вас нарисовать.

ГРИНДЛЬ. Не пойду я с ней.

ШИЛЕ. На самом деле твоя няня, вероятно права, сладкая

ты моя. Не самая лучшая это идея, оставаться здесь с такой сомнительной личностью, как я. Тебе лучше пойти с ней.

ГРИНДЛЬ. Ты меня выбрасываешь?

ШИЛЕ. Не надо воспринимать происходящее так, будто я тебя выбрасываю. Думай об этом, как о возвращении в теплые объятия своей няни.

ГРИНДЛЬ. Если я тебе не нужна – отлично. Я просто вернусь в ночной клуб.

ШИЛЕ. Не думаю, что у тебя получится, милая. Управляющий тебя не жалует, в твоей комнате на чердаке нет отопления и впечатляющее количество крыс. Тебе лучше пойти с няней.

ГРИНДЛЬ. Но я хочу тебе позировать.

ШИЛЕ. Возможно, завтра твоя няня приведет тебя, и я нарисую вас обеих.

МАРСИ. Гриндль, пошли.

ГРИНДЛЬ. Только прикоснись ко мне, и я вырву твою руку из плеча.

ШИЛЕ. Как насчет компромисса? Сейчас вы забираете ее, обещаете привести завтра, и я нарисую вас обеих, полностью одетыми. Поверите или нет, но иногда я рисую людей в одежде. То есть все будет совершенно благопристойно.

ГРИНДЛЬ. Не хочу я быть благопристойной.

МАРСИ. Сюда я ее больше не приведу.

ШИЛЕ. Я плачу ребенку за позирование. Вы хотите, чтобы она осталась на улице без гроша? Или снимала одежду за

деньги в каком-то грязном месте, торгующем женской плотью? Вы тоже будете здесь и приглядите за ней.

ГРИНДЛЬ. Нет.

МАРСИ. Хорошо.

ГРИНДЛЬ. Это нехорошо.

ШИЛЕ. Гриндль, одевайся. Может, она тебя накормит, и ты чуть поправишься.

ГРИНДЛЬ. Не хочу я поправляться. Зачем тебе это? Ты хочешь меня съесть? (*Обращаясь к МАРСИ*). Я бы съела горячие вафли. Сможем мы заказать горячие вафли?

МАРСИ. Мы сможем заказать все, если ты оденешься.

ГРИНДЛЬ. Я, правда, голодная. У Шиле только затхлые крекеры, погрызенные мышами. Я постоянно голодаю. И он не хочет, чтобы я поправлялась. Мы ему нравимся худыми.

ШИЛЕ. Худоба значения не имеет. Что-то должно быть в глазах. Вот что имеет значение. И в глазах твоей няни столько интересного. Я хочу выяснить, что это.

ГРИНДЛЬ. Ладно. Почему нет? Девушка должна есть. (*Начинает одеваться*).

ШИЛЕ. Вы – очень умная няня, хотя глаза у вас безмерно грустные.

ГРИНДЛЬ. Не слушай его. Плевать он хотел на твои глаза. Ему просто хочется заняться с тобой сексом. Но гордиться тут нечем. Ему хочется заняться сексом со всеми, включая лошадь молочника.

ШИЛЕ. С жеребцом молочника мы просто хорошие дру-

зья. Хотя у него такие чудесные глаза.

МАРСИ. Одевайся быстрее.

ГРИНДЛЬ. Минуточку.

ШИЛЕ. Вы сдержите слово и покажитесь утром, так? Потому что если не покажитесь, я найду вас и начну стучать в дверь, а если вы мне не откроете, разденусь полностью и голым буду танцевать на улице под вашими окнами, фальцетом распевая арии из «Веселой вдовы». Вы имеете дело с человеком, начисто лишенным чувства стыда.

ГРИНДЛЬ. Это правда. Отсутствие стыда – его самая привлекательная черта. Я хочу вафли. А потом большой, толстый, отвратительный американский стейк. И целый поднос с пирожными. Я собираюсь есть, пока во всей Австро-Венгерской империи не останется и крошки еды.

ШИЛЕ. Будьте с ней осторожны. Она высосет вас досуха, эта маленькая девочка-вампир.

ГРИНДЛЬ. Да. У меня очень острые зубы. Я обожаю пускать людям кровь. Ладно, по-моему, я уже одета. До свидания, Шиле. Не попади в тюрьму в мое отсутствие. (*Целует ШИЛЕ, поворачивается к МАРСИ*). Пошли. Ты не собираешься меня утопить, как утопила моего брата, так?

МАРСИ. Нет, если ты будешь хорошо себя вести.

ШИЛЕ. Так я увижу вас утром?

МАРСИ. Не удивлюсь, если это окажется невозможно.

ШИЛЕ. В Вене возможно все.

(*МАРСИ смотрит на него, выталкивая ГРИНДЛЬ из*

студии. Свет медленно гаснет).

4. («Сказки Венского леса»)

(ЭЛЬЗА сидит в своей комнате в психиатрической лечебнице. РАФФИНГ появляется в глубине сцены, подходит к ней).

ЭЛЬЗА. У меня есть секрет, который не знает никто. Он живет в лесу, где растет смертоносный паслен. Лучшие секреты – те, которые мы прячем от себя, и это не трудно, потому что после того, как я утонула, у меня умственные способности турнепса. И все это время он совокуплялся с молочницей. Конечно, есть много способов убить своего мужа, но самый быстрый – наименее интересный, как я сказала лет сто тому назад эрцгерцогу Францу Фердинанду, когда он ходил по дворцу с пистолетом в руке, используя в качестве мишеней эксклюзивную коллекцию напольных часов. «Просто убиваю время, – объяснял он. – Меня примут в общество дьяволов. И мы отправились вниз».

РАФФИНГ. Фрау Клейнер?

ЭЛЬЗА. Нет никакой фрау Клейнер. Она заблудилась в лесу. Ее сожрали медведи. Она растаяла под дождем, как жена Лота.

РАФФИНГ. Я – Джон Раффинг. Муж вашей дочери.

ЭЛЬЗА. Вот за кого ты себя принимаешь? Я встретила женщину на дорожном перекрестке, которая не отбрасывала

ть в лунном свете. В тебе есть что-то, чего я боюсь, сказала она. Демоны побывали в этом месте. Две совы с человеческими голосами.

РАФФИНГ. Фрау Клейнер, ваша дочь приходила, чтобы повидаться с вами?

ЭЛЬЗА. Никто не приходил, чтобы повидаться со мной. Я – невидимая женщина. Живу в зеркале и выхожу только ночью, чтобы завести часы. Но иногда я отвлекаюсь, поэтому все часы показывают разное время. Они и только они дети моего мужа.

РАФФИНГ. Я приходил к вашему дому, но на мой стук никто не ответил.

ЭЛЬЗА. Никто никогда не отвечает. В нашем доме никого нет дома, даже если кто-то есть.

РАФФИНГ. Извините, что причиняю вас беспокойство, но мне действительно нужно поговорить с моей женой. Вы не подскажете, где мне ее найти?

ЭЛЬЗА. Это обычная проблема с мужчинами. Им всегда что-то нужно. И они рассчитывают получить это от нас. Кто сказал, что это наша работа? Никогда не отдавай за так молоко или огонь.

РАФФИНГ. Доктор говорит, что через несколько дней вы окончательно поправитесь, Просто немного дезориентированы от удара по голове, который получили после падения в воду.

ЭЛЬЗА. Ответь мне, Шерлок. Может человек выкупить

душу, которую однажды продал? И какую прибыль наварит дьявол? И что удержит его, не позволит забрать душу снова? Какие у тебя дела с моей дочерью? Под какой поганкой ты ее нашел?

РАФФИНГ. Она была гувернанткой в английском загородном доме. Я приехал туда расследовать подозрительную смерть. Недавно потерял жену. Пребывал в растрепанных чувствах. Терял связь с реальностью. Мы нашли друг дружку. И в какой-то степени спасли друг дружку. Ваша дочь – удивительно умная, честная, теплая и любящая. Но в ней есть что-то темное. Что-то такое, чего я понять не могу. Однажды я пришел домой, и на столике в коридоре нашел записку. Она уехала в Вену. Ваша дочь очень тревожится о вас.

ЭЛЬЗА. Если ты любишь мою дочь, как можно быстрее увези ее отсюда.

РАФФИНГ. Я увезу, если смогу найти.

ЭЛЬЗА. Здесь есть что-то злобное. Живет в дожде и пожирает душу. Я видела это, когда мы катались на гигантском колесе в парке. А потом еще раз, у реки. Если ты не увезешь ее отсюда, он ее погубит.

РАФФИНГ. Кто? Кто погубит ее?

ЭЛЬЗА. Разве ты не знаешь? Дьявол, естественно. Это дьявол.

(РАФФИНГ смотрит на нее. Падающий на них свет медленно гаснет).

5. (Партия в шахматы)

(ГЕРР К. играет в шахматы сам с собой. ФРАУ К. наблюдает. Тикают часы).

ФРАУ К. Теперь она живет с художником.

ГЕРР К. Кто?

ФРАУ К. Твоя дочь.

ГЕРР К. Кто тебе это сказал?

ФРАУ К. Мурнау.

ГЕРР К. Мурнау – пускающий слюни дебил.

ФРАУ К. Тем не менее.

ГЕРР К. С каким художником? Надеюсь, богатым?

ФРАУ К. С Шиле.

ГЕРР К. С кем?

ФРАУ К. С Эгоном Шиле. Он рисует обнаженными девушек-подростков.

ГЕРР К. Я не хочу об этом слышать.

ФРАУ К. Тем не менее, это правда. (Пауза). Почему ты играешь в шахматы сам с собой?

ГЕРР К. Потому что больше здесь никого нет.

ФРАУ К. Я здесь.

ГЕРР К. Ты не играешь в шахматы.

ФРАУ К. Ты никогда мне не предлагал.

ГЕРР К. Ты хочешь сыграть в шахматы?

ФРАУ К. Нет. Я думаю, это глупая потеря времени.

ГЕРР К. Все глупая потеря времени. Шахматы, по крайней мере, отвлекают меня от ненужных мыслей.

ФРАУ К. Обо мне?

ГЕРР К. В том числе.

(Пауза).

ФРАУ К. Мурнау также сказал, что Марси в Вене.

ГЕРР К. Кто?

ФРАУ К. Марси.

ГЕРР К. Какая Марси?

ФРАУ К. Марси, которая заботилась о наших детях.

ГЕРР К. Я думал, она в Лондоне.

ФРАУ К. Она вернулась. Там вышла замуж за какого-то полисмена. Но ушла от него.

ГЕРР К. Да откуда Мурнау все это знает?

ФРАУ К. Ему сказала Дора. Ты помнишь Дору. Его дочь, Дора. Вы были близки. Мы были близки. Все были близки. И она, судя по всему, по-прежнему близка. С Марси. *(Пауза).*

Ты не знал, что Марси вернулась?

ГЕРР К. Откуда я мог это знать?

ФРАУ К. Я думала, тебе сказал твой добрый друг Макс.

ГЕРР К. Макс не говорил со мной вечность. Он меня ненавидит. Конечно, Макс ненавидит всех, но особенно меня.

ФРАУ К. В оправдание Макса напомним, что тебя ненавидят все.

ГЕРР К. Ничего подобного.

ФРАУ К. Все, у кого есть мозги.

ГЕРР К. Значит, у тебя ненависти ко мне нет?

ФРАУ К. У меня есть мозги. И сердце. И тело.

ГЕРР К. Одно из трех.

(Пауза).

ФРАУ К. Раньше ты играл в шахматы с Максом.

ГЕРР К. Да.

ФРАУ К. И с Мурнау.

ГЕРР К. Да.

ФРАУ К. И с Дорой.

ГЕРР К. Да.

ФРАУ К. И с Марси.

ГЕРР К. Ты намерена перечислить всех, с кем я играл в шахматы?

ФРАУ К. Нет.

ГЕРР К. Тогда заткнись.

(Пауза).

ФРАУ К. Ты жульничаешь, даже когда играешь сам с собой. (Пауза. ГЕРР К. смотрит на шахматную доску). Любопытно, так ли трудно засунуть шахматную доску тебе в зад?

(ГЕРР К. Смотрит на шахматную доску. Потом берется за черного слона и бьет белую королеву. ФРАУ К. поднимается и уходит).

6. («Розы с юга»)

(Поют птицы. Свет падает на МАКСА, работающего в саду. МАРСИ выходит из дома).

МАРСИ. Сад зарос сорняками.

МАКС *(продолжая работать)*. Как ты сюда попала?

МАРСИ. Никто не отвечал на звонок.

МАКС. И ты вломилась в мой дом?

МАРСИ. Я нашла свои ключи.

МАКС. Теперь мне придется менять замки.

МАРСИ. Я встревожилась, когда ты не открыл дверь.

МАКС. Я больше не открываю дверь. Тех, кого хотел бы видеть, нет. А теперь, убедившись, что я жив и здоров, будь любезна уйти.

МАРСИ. Папа, давай поговорим.

МАКС *(работает)*. Мне нечего сказать.

МАРСИ. У тебя прекрасные розы.

МАКС. Они больные. Гниют на корню. Как и все в Вене.

МАРСИ. Мне так не доставало всего этого. В детстве этот огороженной стеной сад был моим самым любимым в мире местом. Я любила все дорожки и укромные уголки. Я часто сидела в маленьком закутке между сараем и стеной и вела долгие философские разговоры с котом.

МАКС. Нам еще тогда следовало понять, что у тебя не все

в порядке с головой.

МАРСИ. И я любила наблюдать, как ты ухаживаешь за цветами. Всю жизнь, когда со мной случалось что-то плохое, я думала об этом месте, и мне как-то удавалось выкарабкаться. Здесь я чувствовала себя в полной безопасности.

МАКС. Что ж, не была ты в безопасности. Никто не может чувствовать себя в безопасности. Почему ты здесь? Почему долдонишь о разговорах с котом? Я тебе сказал, что не хочу иметь с тобой ничего общего. Почему ты продолжаешь мучить меня? Разве недостаточно того, что ты практически свела свою мать с ума? Она чуть не умерла от горя и стыда. Своим уходом ты разбила ее сердце, и она уже не оправилась.

МАРСИ. Ты отослал меня прочь.

МАКС. Разве мы могли позволить тебе оставаться в нашем доме? После того, что ты сделала?

МАРСИ. Я была ребенком. И полностью в его власти. Почему ты не мог проявить хоть капельку сострадания к своей дочери?

МАКС. Извини. В Вене у нас всех сострадание закончилось. Обратись к своему мужу. Может, у него найдется.

МАРСИ. Ты что-нибудь ешь? Выглядишь ты ужасно.

МАКС. А как я должен выглядеть? Я старик, а моя жена под замком, как сумасшедшая. Может, она и есть сумасшедшая.

МАРСИ. Я приготовлю тебе что-нибудь вкусное и горячее.

МАКС. Держись подальше от моей кухни. Продуктов там нет.

МАРСИ. Тогда я пойду на рынок и куплю.

МАКС. В дом я тебя больше не впускаю.

МАРСИ. И я хочу тебя кое с кем познакомить.

МАКС. Не хочу я ни с кем знакомиться. Не хочу знать даже тех, с кем знаком.

МАРСИ (*поворачивается к дому, зовет*). Гриндль. Иди сюда.

МАКС. Кого ты с собой привела? Еще одну шлюху? Шлюхи мне в доме не нужны.

МАРСИ. Гриндль.

ГРИНДЛЬ (*появляется*). Я говорила с котом. Это очень старый кот. У него остался только один зуб.

МАКС. Пожалуйста, оставь кота в покое.

ГРИНДЛЬ. Ничего я не сделала вашему коту. Я думаю, он слепой. Когда пыталась взять на руки, он прыгнул головой вниз в пианино.

МАКС. Я не хочу, чтобы шлюхи прикасались к моему коту.

ГРИНДЛЬ. Этот старый ублюдок только что обозвал меня шлюхой?

МАРСИ. Гриндль, это мой отец. Папа, это Гриндль Клиппштейн.

МАКС. Клиппштейн? Дочь того сукиного сына, который...

МАРСИ. Я была ее гувернанткой. И часто рассказывала тебе о ней, когда она была ребенком.

МАКС. А теперь она стала такой же шлюхой, как ты.

МАРСИ. Может, перестанешь произносить это слово? Оно отвратительное и ужасное. Никаких шлюх здесь нет. Гриндль какое-то время поживет у нас.

МАКС. Поживет у нас? Кто это мы? Ты не остаешься в моем доме, да и она тоже. Я не хочу превращать мой дом в бордель. А теперь убирайтесь, обе!

ГРИНДЛЬ. Твой папаня просто очаровашка.

МАРСИ. Он не такой плохой, если узнать его лучше.

МАКС. Никто узнавать меня не будет.

МАРСИ. Я ухажу за продуктами, чтобы приготовить нам поесть. Папа, вы с Гриндль приглядывайте друг за дружкой, пока меня не будет, хорошо?

МАКС. Не нуждаюсь я в приглядывании.

МАРСИ. Тогда просто пообщайтесь.

МАКС. Не хочу я общаться. Забери эту девицу с собой и не возвращайся.

МАРСИ. Я лишь на несколько минут.

ГРИНДЛЬ. Ты же не оставишь меня с этим типом.

МАРСИ. Все будет хорошо. Он тебя не укусит.

МАКС. Я могу. Зубов у меня больше, чем у кота.

МАРСИ. Будь с ней приветливым, папа.

МАКС. Не желаю я быть приветливым со шлюхами.

(МАРСИ уходит. ГРИНДЛЬ стоит. МАКС смотрит на

нее, потом возвращается к своей работе. Пауза).

ГРИНДЛЬ. У вас в доме много часов.

МАКС. Собираешься их украсть?

ГРИНДЛЬ. Не люблю я часы.

МАКС. И как тебя понимать? «Не люблю я часы». Что за глупость!

ГРИНДЛЬ. Это не глупость. Я не верю во время.

МАКС. Это еще глупее. Как можно не верить во время?

ГРИНДЛЬ. Я думаю, это иллюзия.

МАКС. Отлично. Шлюха, которая еще и чокнутая.

ГРИНДЛЬ. Перестаньте называть меня шлюхой. Я думаю, вам просто нравится, как вы произносите это слово. Я пришла сюда только для того, чтобы поесть. Почему у вас так много часов?

МАКС. Это моя работа. Я собираю часы. Я ремонтирую часы. Поэтому у меня так много часов. Или ты не заметила табличку на двери? Макс Клейнер. Часовщик. Ты читать-то умеешь? И с чего ты взяла, что это должно тебя каким-то боком касаться?

ГРИНДЛЬ. Вам не обязательно набрасываться на меня. Я просто поддерживаю разговор.

МАКС. Так перестань. Это раздражает.

ГРИНДЛЬ. Хорошо. (Пауза). Что вы делаете?

МАКС. Убиваю улиток.

ГРИНДЛЬ. Почему вы убиваете улиток?

МАКС. Потому что они поедают то, что я пытаюсь выра-

тить.

ГРИНДЛЬ. Почему бы вам не оставить их в покое? Много ли может съесть улитка? У них такие крохотные рты. Не понимаю, почему люди никак не научатся оставлять всех в покое?

МАКС. Почему ты не можешь оставить меня в покое?

ГРИНДЛЬ. Каким надо быть человеком, чтобы убивать невинных и беззащитных улиток?

МАКС. Человеком, которому нужно чем-то занять себя, пока его жена заперта в дурдоме.

(Пауза).

ГРИНДЛЬ. Ох. Ладно. Извините. *(Пауза).* Мне знакомо это чувство.

МАКС. Ты понятия не имеешь, что это за чувство.

ГРИНДЛЬ. Имею.

МАКС. Ты была в дурдоме? Это многое объясняет.

ГРИНДЛЬ. Нет, но мой брат умер.

МАКС. Не вижу связи.

ГРИНДЛЬ. Если ты кого-то любишь и внезапно этого человека больше нет, и куда бы ты ни посмотрела, ты видишь его в своей голове, и тебе больно вспоминать его, и тебе больно не вспоминать его, тебе все время больно, а потом на несколько мгновений ты забываешь, после чего внезапно вспоминаешь, и все вновь обрушивается на тебя, и ты чувствуешь себя такой виноватой за то, что какие-то мгновения не думала об этом человеке. Наконец тебе кажется, что ты с

этим сжилась, но какая-то мелочь напоминает тебе о нем, и все вновь обрушивается на тебя, и это никогда не закончится, потому что ты любила этого человека, и он любил тебя, а теперь его нет и тебе уже не удастся его вернуть. Я знаю, что это за чувство. *(Пауза. МАКС смотрит на нее)*. Что?

МАКС. Ты когда-нибудь их моешь?

ГРИНДЛЬ. Мою что?

МАКС. Ты грязная.

ГРИНДЛЬ. Я не грязная.

МАКС. У тебя грязь под ногтями.

ГРИНДЛЬ. У вас тоже грязь под ногтями.

МАКС. Потому что я работаю в саду.

ГРИНДЛЬ. И какая разница?

МАКС. Разница в том, что я собираюсь помыть руки, когда закончу.

ГРИНДЛЬ. Я мою руки.

МАКС. Когда? Раз в год?

ГРИНДЛЬ. Вам-то что?

МАКС. Ничего.

ГРИНДЛЬ. Вот и отвалите.

МАКС. Ты – очень грубая девочка.

ГРИНДЛЬ. А вы – очень грубый мужчина.

МАКС. Я не в твоём доме.

ГРИНДЛЬ. У меня нет дома.

(Пауза).

МАКС. Возьми лейку.

ГРИНДЛЬ. Что?

МАКС. Лейку. Вон она. Возьми ее.

ГРИНДЛЬ. Вы про ту штуковину?

МАКС. Да, ту штуковину. Ты не знаешь, что такое лейка?

ГРИНДЛЬ (*берет лейку*). Хорошо. Вот она.

МАКС. Не надо давать ее мне. Сделай что-то полезное.

Полей эти розы.

ГРИНДЛЬ. Эти?

МАКС. Да. Но не слишком обильно.

ГРИНДЛЬ. Не слишком обильно – это сколько?

МАКС. Я тебе скажу.

ГРИНДЛЬ. Хорошо. (*Пауза*). Они действительно прекрасные. Кто-то вложил в них много труда и заботы. (*Пауза*).
Сожалею, что так вышло с вашей женой.

(*Пауза*).

МАКС. Она любила часы. Так я с ней познакомился. Как-то она зашла в магазин. Чинить ей ничего не требовалось, денег, чтобы что-то купить у нее не было, но она сказала, что ей очень нравится тиканье часов. Оно ее успокаивало. Ночью по всему дому часы тикают, отбивают полный час, снова тикают. Теперь я иной раз забываю их заводить, и они показывают разное время. Иногда останавливаются. Придет день, когда остановятся все часы. (*Пауза*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.